

УДК 391/393 (571. 5)
ББК 63/5 (2Р54)

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова,
доктор исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru

Арюна Станиславовна Суворова,
учитель,
Хуртэйская средняя общеобразовательная школа
(671464, Россия, Республика Бурятия, Кижингинский р-н, с. Хуртэй),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

О погребении и меморизации бурятских буддийских священнослужителей

После изучения значительного количества источников авторы пришли к следующим результатам. Определена специфика погребальной обрядности буддийских священнослужителей (лам) Бурятии с сер. XIX в. до настоящего времени, характеризующаяся стереотипностью и несклонностью к динамике и трансформациям. Выявлены два типа погребения: кремация и грунтовое погребение в специальном коробе в позе медитации монахов, обладающих тайным знанием. Факты использования праха лам при изготовлении ца-ца, буддийских культовых предметов, символов космического тела Будды подтверждают отношение к ламам как одной из трёх драгоценностей буддизма. Выявлены факты активной эксгумации захоронений лам советского периода в постсоветское время для кремации, а в случае нетленности тела – для помещения в дацан в качестве буддийской святыни. Обнаружена отложенная во времени меморизация выдающихся лам советского времени в именных мемориалах, буддийских ступах посредством включения праха в число драгоценностей. В результате исследования сделан вывод о том, что факты меморизации лам играют важную роль в формировании этнической и религиозной идентичности социума и индивидуума, создании исторической памяти, исторического образа малой родины, благоприятной витальной территории, его туристической привлекательности. Создание подобных мемориалов является одной из новых граней современных этнических процессов в постсоветском бурятском буддийском обществе.

Ключевые слова: буряты, буддийские священнослужители, погребальная обрядность, кремация, ингумация, эксгумация, меморизация.

Sesegma Gendenovna Zhambalova,
Doctor of History, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru

Aryuna Stanislavovna Suvorova,
Teacher,
Khurteyskaya Secondary School
(Khurtey, Kizhinginsky District of the Republic of Buryatia, Russia, 671464),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

On the Burial and Memorization of the Buryat Buddhist Clergy

The article considers specificity of funeral rites of Buddhist priests (lamas) in Buryatia from the middle of the XIX century to the present time. This specificity is known to be stereotypical and the processes of transformation have not been witnessed. Two types of burials have been identified: cremation and clay burial (inhumation) in a special box in a meditation pose for monks who had the secret knowledge. The facts of using lamas' ashes in the manufacture of tsa-tsa (Buddhist religious objects, symbols of the cosmic body of Buddha) confirm that lamas have been treated as one of three jewels of Buddhism.

Evidences of exhumations of lamas' graves of the Soviet period for their subsequent cremations in the post Soviet era according to lamas' wills have been found. And in case of bodies' incorruptibility they were placed in datsans as Buddhist objects of veneration. The hypothesis is that Lamas anticipated revival of Buddhism as a result of the collapse of the Soviet regime. Delayed in time memorization of prominent Lamas of the Soviet era in memorials (Buddhist stupas) as jewels has been detected. The study concludes that the facts of stereotypical burial of Lamas and their subsequent memorization play an important role in formation of ethnic and religious identity of society and individual, creating historical memory, historical image of the homeland. Establishment of such memorials is one of the new faces of contemporary ethnic processes in the post-Soviet Buryat Buddhist society.

Keywords: Buryats, Buddhist clergy, funeral rites, cremation, inhumation, exhumation, memorization.

Задача статьи – исследовать специфику погребальной обрядности бурятских буддийских священнослужителей (лама) в Бурятии с сер. XIX в. до настоящего времени. Актуальность этой довольно закрытой, малоизученной темы обусловлена возрождением религии в России, в т. ч. буддизма, ростом интереса к нему в стране и мире. Изучение темы позволит выявить новые грани современных этнических процессов в постсоветском бурятском буддийском обществе, охарактеризовать истоки, обосновать природу происхождения и факторы становления, возрождения и развития некоторых буддийских традиций на территории Республики Бурятия.

Настоящая статья базируется на литературных данных, полевых материалах, собранных по большей части среди лам Иволгинского дацана РБ в 2011–2013 гг., в ней используются сведения из публицистики и электронных ресурсов. Важным источником явилась архивированная рукопись Б. Бамбаева «Описание погребального обряда и его происхождение» [19].

Историография темы не столь обширна. Опубликованной работы по данной теме нет, правда, некоторый задел имеется в диссертации А. С. Суворовой, одной из соавторов данной статьи [28]. Отдельные сведения о способе погребения лам имеются в книге В. Паршина, изданной в 1844 г. [24]. Наибольшей информативностью обладает статья 1904 г. А. Д. Корнаковой «Похороны Ханцинъ ламы гелюна» [12]. Н. Л. Жуковская в постсоветское время опубликовала статью о «феномене Итигэлова» [9]. Некоторые элементы погребальных обрядов лам у калмыков освещены в работе И. А. Житецкого [4], у тувинцев – В. П. Дьяконовой [3]. Погребение и меморизация перерожденцев-хубилганов Монголии описаны А. М. Позднеевым и опубликованы в 1887 г. [7].

Кремация – один из традиционных типов погребения бурят наряду с воздушным (небесным), наземным, грунтовым. С распространением буддизма у забайкальских бурят кремация становится в данной этно-территориальной группе возможной только для погребения лам, при этом она воплощает обряд вознесения. В середине XIX в. это отмечает В. Паршин: «Кремация – честь, делаемая немногим избранным святошам: дым грешника, они думают, осквернит небо» [6, с. 59]. Эта традиция распространена у всех буддистов России. По сведениям И. А. Житецкого, в конце XIX в. у астраханских калмыков обряду кремации, как наиболее почётному и полезному для загробной жизни, подвергались только ламы и зайсаны. Он пишет, что великое счастье, если кому выпадет на долю сожжение [4, с. 29]. У калмыков, видимо, кремации могли подвергаться и сановитые члены социума, зайсаны. Подобная картина наблюдается у монголов. А. М. Позднеев отмечал, что у них предают огню не очень многих, «а трупы бедняков положительно никогда не сжигают» [7, с. 468]. У предбайкальских бурят-шаманистов кремация – предпочтительная форма погребения простых людей преклонного возраста до настоящего времени.

Возможно, кремация и последующая меморизация перерожденцев-хубилганов Монголии, буддийских святых, являлась идеальной моделью погребальной обрядности для других буддийских священнослужителей, в т. ч. бурятских, которые находятся на более низкой ступени буддийской иерархии. А. М. Позднеев подробно описал способы погребения хубилганов. Существовало два типа: кремация и бальзамирование. При кремации, более распространённом типе, проводимом через три дня, а иногда через месяц, тело сразу усаживают в молитвенную позу с подогнутыми ногами, правую руку с буддийским символом под-

нимают. На второй день тело бальзамируют натиранием благовоний и спиртовых растворов, обмазывают составом из соли, можжевельника и других веществ. За трое суток до обряда тело очищают, одевают, выносят во дворец для поклонения народа. К кремации готовят так: с ног до головы обёртывают полотном, смоченным растопленными смолой и маслом, пеленают, поверх обматывают просмолённой ватой, на макушке делают фитиль в виде рожка. Назавтра ранним утром тело усаживают на носилки, покрывают белой тканью и в сопровождении народа везут к месту погребения. Процессия движется в таком порядке: впереди несут на носилках старшего ламу, за ним на носилках тело хубилгана, затем следуют духовенство и народ. На месте кремации заранее приготовлена широкая яма с большой сковородой на дне, на ней таган. Вокруг сковороды до устья ямы сложены поленицы дров. По прибытии читают молитвы, для этого тело устанавливают между ямой и сидениями лам. По завершении богослужений звонят в колокольчик, затем старейшины и почётные гэлюнги помещают тело на таган в позе медитации. Старший лама, главный распорядитель, зажигает фитиль на голове хубилгана, другие представители высокого духовенства поджигают дрова. Хувараки подбрасывают смолу, берёсту, шерсть, сухую траву, льют растопленное масло и другие горючие вещества, увеличивая силу огня. Когда огонь набирает силу, после кратких молитв и тихого пения ламы уходят, остаются специально назначенные. Из пепла, собранного со сковороды, с примесью хорошей, специально подготовленной глины с клейкими веществами делают небольшие статуэтки бурханов, которые будут помещены в кумирни и построенную на месте погребения часовню. Есть хубилганы, прах которых отвозят в Тибет или Утайшань [7, с. 272–274].

Второй тип погребения – бальзамирование – позволяет сохранить тело в состоянии мумии *шарил*. В этом случае тело бальзамируют более сильными средствами, накалывая тоненьким шильцем, затем полностью засыпают солью и оставляют на два месяца. Совершенно высохшее тело очищают, покрывают позолотой, рисуют брови, усы и губы, глаза оставляют закрытыми. Его усаживают в серебряный субурган и с

торжественным богослужением устанавливают в кумирне или часовне и поклоняются, как божеству [7, с. 274–275].

Мы располагаем материалами советского времени о кремации ламы. Он был в гробе кубической формы с двухскатной крышей, до кладбища его несли на паланкине. Процессию возглавлял духовой оркестр. Ламу кремировали в специально сложенной печке. Позже соорудили памятник для погребения праха [19, л. 55]. Как видно, в результате компромисса традиционных и советских ритуалов образовалась синкретическая обрядность, в которой главными продолжают оставаться канонические буддийские, по основным критериям приближающиеся к ритуалу погребения хубилгана. Безусловно, покойный лама пребывал в позе медитации, об этом свидетельствует форма гроба, он кремирован, а прах погребён в своеобразном мемориале-реликвии.

Традиция кремации буддийских священнослужителей сохраняется у бурят-буддистов до настоящего времени. Современные буддийские священнослужители думают так: способ погребения зависит от завещания ламы, изъявляемого при жизни; кремация ламы возможна в силу его особого статуса, сакральность огня не позволяет кремировать обычных людей – они осквернят огонь. Кремация духовных лиц обозначается словом «хайлуулха» (плавиться, растворяться), слово «дууро» (сгореть) нельзя употреблять в данном случае, это правило сохраняется в отношении сгоревшего дацана – «хайлаа» (расплавился, растаял) [ПМА].

После кремации осуществляется цикл обрядов по меморизации духовного лица. На следующий или третий день собирают прах: пепел костей, прошедших очистительный огонь, становится «драгоценностью из драгоценностей» [24]. Традиция практиковалась в конце XIX в., И. А. Житецкий пишет: «<...> на другой день после кремации ламы из золы выбирают кости. Кости пережжённые толкут и наполняют ими сделанные из теста сосуды в виде храмов и хранят в ящиках как святыню, и потом раздают этот костяной порошок, конечно, в самых маленьких частях есть больным» [4, с. 30]. Использование праха может быть разным, он может быть развеян в качестве благодати над землёй и водами, храниться в дацанах и субурганах, ступах в виде святых мощей

[24]. Места кремации великих буддийских лам становились пригодными для наземного погребения ординарных людей [2, с. 82].

Прах ламы входит в состав ингредиентов массы для формования ца-ца, культовых предметов буддийских храмов и домашних алтарей, их также закладывают в субурганы. Это своего рода миниатюрные ступы, символы космического тела Будды. Существуют специальные буддийские тексты по практике изготовления ца-ца, которая состоит из трёх частей – предварительной, основной и завершающей. Их делают для живых и умерших людей, посвящают гуру, родителям в широком буддийском смысле слова, самому практикующему и т. д. В. М. Монтлевич разделяет ца-ца на два основных типа: тибетский, отличающийся компактностью форм, и монгольский, обильно украшенный орнаментацией, не чуждый китайского влияния [16, с. 93]. Со слов информантов, изготовление ца-ца с включением праха ламы обусловлено сакральностью духовного лица. С другой стороны, он помещается в ца-ца для защиты души ламы, для помощи обрести ей более высокое возрождение или встать на путь освобождения – ца-ца закрывает ворота в нижние миры [ПМА].

Имеются достоверные свидетельства о другом типе погребения бурятских буддийских священнослужителей – грунтовым. В начале XX в. такое погребение зафиксировано А. Д. Корнаковой, непосредственной участницей похорон Ханцин гэлунг ламы, священника высокого сана. При выборе способа погребения ламы, на наш взгляд, ключевую роль играет его ранг и степень духовного просветления. Поэтому необходимо отметить, что гэлунг, гелун, гэлун – третья монашеская степень в ламаизме, её носитель принимает 253 обета, в отличие от банди – низшей монашеской степени, послушника, принявшего 5 обетов, гецула, второй монашеской степени, принимающего 36 обетов [8, с. 44, 99, 103].

А. Д. Корнакова обращает внимание на позу ламы: «Он сидел в кресле из тонких досок с молитвенно сложенными руками с подогнутыми под себя ногами в позе молящегося или медитирующего буддиста. Выбор места погребения произведён посредством гадания: главный лама подбрасывал три игральные кости в чашке, считая при каждой остановке количество очков. Он до-

бывался троекратного выпадения нечётного числа, чётное число считается неблагоприятным. В избранном месте воткнули стрелу и расстелили войлок. Могилу на этой площадке выкопали там, где помочилась одна из присутствующих на обряде лошадей» [12, с. 7, 9].

Следующий этап – обряд «испрашивания земли» у духов-хозяев местности – подробно описан исследовательницей. «Ламы разложили на войлок своеобразную плату за землю духам-хозяевам местности, это девять разных предметов по девять штук: кушаки, хадаки, небольшие кусочки кирпичного чая, чашки со сладостями, мотки разного шёлка, пачки благовоний, наборы пуговиц. Посредине войлока положили два куса серебра и на ниточке несколько кораллов, пучок шерсти от девяти баранов и девяти коз. Поставили восемь медных чашек с мукой, зерном, водой, пять фигур с головами животных и перед каждым по маленькой крашеной пирамиде – ца-ца. По обеим сторонам войлока, к востоку и западу, положили баранью и медвежью шкуры. На каждой из них посередине из хлебных зёрен были сделаны крестообразные знаки, свастики, своеобразные печати, которыми скреплялся договор о покупке у духов-хозяев местности земли для погребения. Затем ламы после молитв очертили рогом антилопы землю вокруг войлока, а гроб поставили прямо на том месте, где была воткнута стрела» [12, с. 13].

Таким образом, похороны бурятского буддийского духовенства осуществляются двумя способами – кремацией и грунтовым погребением ламы в молитвенной позе – и сопровождается ритуальными действиями, чтением заупокойных молитв и пр. Можно выдвинуть гипотезу: второй тип погребения предпочтителен для лам высокого сана, владеющих тайными знаниями, умеющими войти в состояние вечной медитации, самадхи, последней ступени восьмеричного пути, подводящей человека к нирване. Доказательства данной гипотезы находят объяснение в следующих материалах о меморизации буддийских священнослужителей.

История буддизма в Бурятии связана с именами выдающихся буддийских монахов, чья жизнь и посмертная память являются легендарными. Важным моментом их биографии, которая не заканчивается со смертью, является эксгумация по их

собственному завещанию и последующая меморизация. Речь идёт о ламах, покинувших мир в советское время и вернувшихся в виде святынь в постсоветское пространство. Это, несомненно, гарант перспективы длительного сохранения их имён в исторической памяти народа, нередко сопровождающегося мифологизацией их образов.

В первую очередь, это история XVII Пандито хамбо ламы Л.-Н. Дармаева, стоявшего у истоков возрождения буддизма в Бурятии в советское послевоенное время, реально воплотившегося в строительстве и открытии в декабре 1945 г. Иволгинского дацана. В 2001 г. в районной газете опубликованы воспоминания о его похоронах. Его родственница из с. Нижний Бургултай Джидинского р-на РБ рассказала, как Л.-Н. Дармаев, будучи престарелым, незадолго до смерти вернулся на малую родину в с. Нижний Бургултай. Он завещал после смерти его кремировать. Умер он в апреле 1960 г. в позе, в которой читал молитвы – сидел, сложив обе руки на коленях. В таком положении тело находилось в доме двенадцать суток и, несмотря на тёплую погоду, его лицо не изменилось. Через восемь дней приехали десять лам из Иволгинского дацана, они стали ждать знака о наступлении смерти. На двенадцатый день погружения в созерцание из носа закапала кровь, что ламы истолковали как момент смерти. Во время похорон его понесли по улице в кубическом гробе в том же сидячем положении, а другую половину пути к месту погребения везли на телеге. Руководители колхоза и родственники в то советское время побоялись организовать кремацию, поэтому последняя воля ламы не была исполнена [14].

Только 31 августа 2008 г. вблизи с. Нижний Бургултай группа бурятских лам эксгумировала останки Л.-Н. Дармаева. Скелет обнаружен в полной сохранности в позе медитации, словно она не прерывалась полвека, на костях сохранились остатки мышечных тканей и кожи без признаков разложения, несмотря на то, что он находился в деревянном коробе всего в 50 см от поверхности земли, не был обложен солью и подвергался нашествию насекомых, разрушительному воздействию кислорода, температурных перепадов и влаги. После кремации прах хамбо ламы разделили между его родовым Сартул-Булагским и Иволгинским дацанами [24].

Журналист А. Махачкеев, написавший статью о хамбо ламе Л.-Н. Дармаеве, отмечает: «Между тем бурятские ламы действительно обладают тайным знанием контролируемого способа перехода сознания в иное состояние. <...> Все они сумели в момент смерти уйти в состояние глубокого созерцания Пустоты, когда становится возможным переместить сознание в лучшие перерождения или освободиться от круговорота Сансары или достигнуть высшего Просветления. Их духовный подвиг интересен не столько сам по себе, а сколько степенью воздействия на умы людей, как руководство к действию и посыл к самопознанию» [24].

С 1980-х до 2000-х гг. в Бурятии похоронены ламы высокого ранга, родившиеся еще до революции, все они прожили жизнь, полную лишений, но даже ссылки и лагеря не заставили их отказаться от учения Будды. Многие преданы кремации. В 1995 г. в Забайкальском крае на горе восточнее Цугольского дацана кремирован ширетуй лама Ж.-Ж. Эрдэнеев. В 1999 г. кремировали Чернин ламу 94 лет, часть его праха вложили в субурган на территории дугана, другую оставили в местности Угнасай у с. Арзгун в Курумканском р-не РБ, где по пророчеству Соодэйн ламы в начале XXI в. построен буддийский храм. Имеются достоверные сведения об обряде кремации Чернин ламы, они свидетельствуют о том, что на поляне 2×3 км приготовили место для совершения обряда вознесения и две машины дров, из которых сложили погребальный костёр, куда уложили тело, обёрнутое в саван, над ним соорудили шатёр из поленьев. Кремировали утром, а к вечеру собрали прах [ПМА].

Имеются современные материалы, выявляющие следующий тип погребения лам высокого сана – в грунте в специальной позе, за которой также следует эксгумация, кремация и заложение праха в субурган, в своеобразный мемориал. В 2004 г. в Забайкальском крае в окрестностях Агинского дацана при эксгумации тела XIX Пандито хамбо ламы Ж.-Д. Гомбоева, который покинул мир в позе спящего льва – лёжа на боку, было обнаружено тело хорошей сохранности [24]. Информанты рассказали, что останки были кремированы, а прах заложен в субурган, воздвигнутый в его честь в мест-

ности Аса-Шибирь у с. Таптанай Дульдургинского р-на Забайкальского края, откуда он родом [ПМА].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. у бурят, как и у других народов постсоветского пространства, начинается возрождение исторической памяти. Это время характеризуется активным восстановлением буддийских ступ – мемориалов выдающихся деятелей буддизма, сознательно разрушенных в советское время. В 1990-х гг. в с. Хара-Шибирь Заиграевского р-на РБ реконструирован субурган в память об Агване Доржиеве [13, с. 33]. В 1992 г. в 5 км от с. Усть-Орот Кижингинского р-на РБ в местности Соорхой по инициативе Ю. К. Лаврова восстановлены две ступы в честь А. Силнама, отца Б. Д. Дандарона. Они были сооружены в 1920 г. под руководством Л.-С. Цыденова, реформатора буддизма, руководителя Балагатского движения. В левой ступе тело ламы Агвана Силнама, умершего в 1920 г. в плену у атамана Семёнова, в правой – останки семи бурят, погибших от рук семёновцев. В 1922 г. ступы разрушили. В конце 1960-х гг. Б. Д. Дандарон предпринимал попытку их восстановления, однако их вновь сломали [15, с. 198].

В постсоветское время набирает обороты строительство новых субурганов в память буддийских священнослужителей. По мнению некоторых информантов, воздвижение ступы в честь того или иного ламы во многом зависит от учеников ламы [ПМА]. В 2004 г. воздвигнута ступа в память о Б. Д. Дандароне. Его последователь Ю. К. Лавров приехал на место смерти Б. Д. Дандарона в Выдрино, извлёк из могилы его прах и поместил в основание ступы [17, с. 105].

Отдельного внимания заслуживает погребение и меморизация Пандито хамбо лам. Некоторые исторические факты их жизни и смерти мы привели выше. Однако имеются другие интересные материалы о строительстве субурганов в их честь. На месте кремации настоятеля Баргузинского дацана Ц. Соодоева в местности Баруун-Хунтэй Баргузинского р-на РБ, ставшей культовой, восстановлен деревянный субурган, разрушенный в советское время [1, с. 112]. В 1963 г. после смерти XVIII Пандито хамбо ламы Е.-Д. Ширапова на территории Иволгинского и Агинского дацанов построены субурганы с вложением его пра-

ха [20]. В честь 300-летия I Пандито хамбо ламы Д.-Д. Заяева в 2002 г. на его малой родине в с. Цаган-Челутай Кяхтинского р-на РБ возведён субурган «Жанчуб» с неугасимой лампадой, которую поддерживают жители села. Рядом установлена ступа II Пандито хамбо ламы С. Хэтэрхеева. В 2008 г. в местности Талын Харгана Селенгинского р-на РБ подняли субурган «Намжил» в память о Д.-Д. Заяеве [22].

В советское и постсоветское время буддисты использовали прах буддийских священнослужителей при изготовлении скульптурных изображений. Скульптуры известных бурятских лам с удивительным портретным сходством хранятся в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. Такие же появляются в новых дацанах, есть они в Музее Агвана Доржиева при Ацагатском дацане в Заиграевском р-не РБ. Мы считаем, что при их изготовлении использовалась толика праха этих личностей.

У тюркоязычных этносов Южной Сибири, в частности, у тувинцев, зафиксированы аналогичные сведения, которые уточняют и дополняют приведённые бурятские данные. В. П. Дьяконова пишет, что после кремации ламы решали по специальной священной книге и по определённым признакам, как поступить с пеплом. В одном случае делали портрет духовного лица, в другом – скульптурное изображение. Рисунок делался пеплом покойного, а затем покрывался золотой и красной краской. При изготовлении скульптуры почти натуральной величины в сидячем положении пепел примешивали в глину, в качестве красителей использовали золотой и серебряный порошки [3, с. 116].

В любом случае, традиции бурят-буддистов и тувинцев-буддистов идентичны. В то же время В. А. Кисель сомневается в наличии традиции в Туве погребения праха выдающихся лам в субурганах, считая, что тувинские буддисты никогда не достигали тех рангов, которым такое захоронение предписывалось по канону [5, с. 43]. Если исследователь подразумевает канонические захоронения хубилганов в субурганах, описанные А. М. Позднеевым [7, с. 274], то такого погребения лам в Бурятии, возможно, также не было из-за отсутствия в бурятском буддизме института хубилганов.

Обращает на себя внимание активная, состоявшаяся по завещанию лам эксгумация их тел в постсоветское время, за ко-

торой следуют кремация и меморизация в ступах. Эти факты позволяют уверенно выдвинуть гипотезу, что ламы с начала зарождения советской власти и воинствующего атеизма предвидели конец тоталитарного режима, поэтому в постсоветское время наблюдается запланированное ими возвращение в родные места в виде святынь. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением А. Махачкеева, который считает, что лам перед кремацией обязательно нужно захоронить в земле [24].

Как видно, меморизация буддийских священнослужителей связана с воздвижением ступы, в которой погребаются мощи святых и буддийских священников наряду с другими символическими драгоценностями буддизма. Это одно из заметных буддийских реликвивариев в современном ландшафте этнической территории бурят-буддистов. На территории Бурятии ступы воздвигались либо в комплексе из восьми ступ, либо по отдельности [20]. Информанты считают, что наиболее часто на территории Бурятии строят субурганы Пробуждения, которые являются символом преодоления всех препятствий и всех завес [10, с. 29]. Другая распространённая – ступа Мудрости. Ступы строили дацанские мастера, владеющие строительным делом и тонкостями изобразительного искусства, принявшие определенные монашеские обеты, дающие право заниматься этим делом. О возведении субургана буряты обычно говорят, что воздвигается тело Будды (*бурханай бэе бутэнэ*) [17, с. 99]. Современные жители Бурятии, инициаторы возведения субурганов, считают, что они приносят благодать и счастье всем живым существам, потому что символизируют тело, ум и дух Будды, а излучают благо за счёт заложенных в них реликвий. Лама, достигший духовных высот и святости, может стать буддой [ПМА].

Как видно, с течением времени буддийская погребальная обрядность сохраняет канонические формы. Способы погребения буддийских монахов России и дальнейшая их меморизация, а они, безусловно, стандартны для бурят, калмыков и тувинцев, возрождаются в неизменном традиционном виде, возможно, с некоторыми локальными особенностями. Сохранение и возрождение традиций строительства субурганов обусловлено верой буддистов в их благотворную и исцеляющую силу, благодаря зало-

женным в нём драгоценностям, в т. ч. праха ламы, хотя известно, что не во все ступы закладывается прах ламы.

Нетленное тело XII Пандито хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова стало одной из святынь буддизма. Об этом историческом событии написано много, особенно в электронных ресурсах и публицистике. Поэтому мы здесь остановимся на основных моментах, имеющих отношение к теме исследования. В Янгажинском дацане 15 июня 1927 г. 75-летний хамбо лама Д.-Д. Итигэлов попросил лам прочесть для него молитву-благопожелание уходящему (*хуга намши*). Ламы побоялись читать такую книгу живому человеку. Тогда он начал читать сам, а ламам пришлось присоединиться. После обряда Д.-Д. Итигэлова поместили в позу лотоса в кедровом саркофаге и схоронили в местности Хухэ-Зурхэн на кладбище лам [11, с. 136]. А могилу сравнивали с землёй, чтоб её не смогли найти [28].

XII Пандито хамбо лама Д.-Д. Итигэлов завещал извлечь его дважды, через 30 и 75 лет. В 1955 г. ламы во главе с хамбо ламой Л.-Н. Дармаевым вскрыли саркофаг, убедились в хорошей сохранности тела, провели обряды и богослужения, сменили одежду, засыпали соль и вновь поместили в короб. В 1973 г. XIX Пандито хамбо лама Ж.-Д. Гомбоев с ламами осмотрел тело, обнаружил, что оно в сохранности и захоронил в коробе так, чтобы его было непросто найти. В 2002 г. по инициативе хамбо ламы Д. Аюшеева состоялась экспедиция по поиску и эксгумации тела Д.-Д. Итигэлова, в нём приняли участие ламы и местные жители [11, с. 136, 138]. Осенью, 7 сентября 2002 г., А. Д. Дабаев, старожил с. Гильбира Иволгинского р-на РБ, 1914 г. р., показал место захоронения в местности Хухэ-Зурхэн. Оpozнание провёл 96-летний учёный Б. Д. Цыбиков [29]. При эксгумации обнаружили в кедровом гробу Д.-Д. Итигэлова в хорошем состоянии. Патологоанатомы были уверены, что через три-четыре часа после подъёма тело превратится в тлен [23].

В Иволгинском дацане Д.-Д. Итигэлова поместили в стеклянный саркофаг. Согласно двум актам судмедэкспертизы никаких следов бальзамирования на теле ламы не выявили [25]. Эксперты сходятся в том, что такое состояние не относится ни к одному из трёх известных после физической смерти. Учёные называют феномен Д.-Д. Ити-

гэлова четвёртым состоянием смерти [26, с. 48]. Поза лотоса, в которой в течение 75 лет он находился в кедровом коробе, сохраняется без использования каких-либо поддерживающих и фиксирующих приспособлений [21].

Так называемый «феномен Д.-Д. Итигэлова» бурятские ламы объясняют по-своему. По утверждению Гэлэк-Балбар ламы из Иволгинского дацана, хамбо лама находится в состоянии медитации самадхи, что доступно только великим учителям, которые могут процесс смерти, угасания жизненных функций тела держать под сознательным контролем. Настоятель Кыренского дацана Тункинского р-на РБ Балдан лама считает, что Д.-Д. Итигэлов достиг состояния божества из сострадания к людям [27]. Б. Д. Мархаев думает, что сознание хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова находится в других мирах, но поддерживает связь с телом [ПМА].

Н. Л. Жуковская, довольно подробно остановившись на истории жизни и ухода из него Д.-Д. Итигэлова, верно замечает: «Но “феномен Итигэлова” пока остаётся загадкой. Хотя смотря для кого. <...> Для рядовых верующих, которые десятками тысяч приходят ему поклониться и получить благословение в праздничные дни в Иволгинском дацане <...>, его нетленное тело – это чудо <...>, случившееся на их родной земле, и, как любое чудо, в объяснениях не нуждающееся» [9, с. 270–271]. Она отмечает, что в природе известны случаи самомумификации, обычно это происходит с человеком, находящимся в русле религиозной традиции и буддизма, и христианства – путь в духовное бессмертие с сохранением физического тела [9, с. 263–264].

В 2007 г. хамбо лама Д. Аюшеев озвучил такую версию. В 1920-х гг. Д.-Д. Итигэлов провёл ритуал вложения пяти священных сосудов для духов земли, хозяев местности. При этом он ни разу не коснулся земли: попросил учеников, которые во время ритуала несли его на руках, не отпускать его на землю. По этой причине стихия земли хранит его тело. Согласно буддийским представлениям, он достиг постижения Пустоты, великой реальности всех явлений, смог в состоянии медитации очистить тело до той степени, что оно сохраняется даже сейчас [26, с. 48].

Для создания достоверной картины погребальной обрядности буддийского духовенства на длительном пространственно-временном континууме считаем необходимым подробно остановиться на погребении молодого ламы, нашего современника. В 2012 г. покинул этот мир Пандэ лама (П. Жигжитов), 1977 г. р., по мнению хамбо ламы Д. Аюшеева, достигший высоких познаний в буддийской философии. Ламы определили по специальной книге все детали обряда погребения, выявили человека, который может подготовить тело и поджечь. Кремация, на которой израсходовали около 70 л топленого масла, проводилась в 8 км от Иволгинского дацана в местности Улан-Губэ и длилась девять часов с обеда до ночи. Ламы оставались до конца кремации. На следующий день, не прикасаясь голыми руками, собрали прах [ПМА]. Из праха сформовали семь ца-ца, одно передали родственникам, второе отправили на место рождения Пандэ ламы, остальные хранятся в Иволгинском дацане для последующего вложения в выстроенный именной субурган [ПМА].

В статье, подготовленной на основании многих источников, получены следующие результаты. Определена специфика погребальной обрядности буддийских священнослужителей Бурятии с середины XIX в. до настоящего времени, характеризующаяся стереотипностью и отсутствием заметной динамики. Выявлены два типа погребения: кремация и грунтовое погребение в специальном коробе в позе медитации монахов, обладающих тайным знанием. Факты использования праха буддийского духовенства при изготовлении ца-ца, буддийских культовых предметов, символов космического тела Будды подтверждают отношение к ламам как одной из трёх драгоценностей буддизма. Выявлены факты активной эксгумации захоронений лам советского периода в постсоветское время для кремации, а в случае нетленности тела – для помещения в дацан в качестве буддийской святыни. Обнаружена отложенная во времени меморизация выдающихся лам советского времени в именных мемориалах, буддийских ступах посредством включения праха в число буддийских драгоценностей. В результате исследования сделан вывод о том, что факты меморизации лам играют важную роль в формировании этнической и религиозной идентичности

социума и индивидуума, в создании исторической памяти, исторического образа малой родины, благоприятной витальной территории, его туристической привлекательности.

Создание подобных мемориалов является одной из новых граней современных этнических процессов в постсоветском бурятском буддийском обществе.

Список литературы

1. Гомбоев Б. Ц. Культурные места Баргузинской долины. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 287 с.
2. Гомбожапов А. Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX–XX в.: истоки и инновации. Новосибирск: Наука, 2006. 184 с.
3. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 163 с.
4. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. Волчанинова, 1893. 111 с.
5. Кисель В. А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII – начало XXI в. СПб.: Наука, 2009. 142 с.
6. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 1. 143 с.
7. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
8. Буддизм: слов. / Л. Л. Абаева [и др.]. М.: Республика, 1992. 287 с.
9. Жуковская Н. Л. «Феномен Итигэлова»: версии религиозные, научные, антинаучные и другие // О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011 / Н. Л. Жуковская. М.: Ориенталия, 2013. С. 262–276.
10. Крючкова Е. В. Загадка субургана // Буддийская культура и мировая цивилизация: сб. ст. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2006. С. 29–31.
11. Амоголонова Д. Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова в контексте постсоветской десекуляризации общественного сознания // *Tartaria Magna*. 2012. № 1. С. 128–147.
12. Корнакова А. Д. Похороны Ханцинзы ламы гелюна // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. 1905. Т. 7. Вып. 1. С. 6–31.
13. Миронова Г. А. Агван Доржиев и ступа, возведённая в честь учителя Далай ламы XIII // *Вестн. Бурят. гос. ун-та*. 2012. № 7. С. 33–35.
14. Раднаева М. Интервью с Ц. Ж. Банзаракцаевой // *Джидинская правда*. 2001. № 56.
15. Баяртуева Д. Л. Восстановление буддийских культовых сооружений в Бурятии // *Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: материалы III Междунар. симп. (Улан-Удэ, 9–10 ноя. 2006 г.)*. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. Т. 1. С. 197–198.
16. Монтлевич В. М. О символике ламаистских субурганов // *Центральная Азия и Тибет: материалы к конф.* Новосибирск: Наука, 1972. С. 91–94.
17. Базарова Э. Б. Генезис и эволюция ступы в истории северного буддизма: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2009. 241 с.
18. Суворова А. С. Погребальная обрядность бурят: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Улан-Удэ, 2014. 26 с.
19. Бамбаев Б. Описание погребального обряда и его происхождение // *ЦВРК ИМБТ СО РАН*. Ф.11. Оп. 1. Д. 13. Л. 81.
20. Базарова Э. Б. Исторические традиции воздвижения субурганов (буддийских ступ) в северном буддизме [Электронный ресурс] // *Рос. экон. интернет-журн*. М.: АТиСО, 2009. Режим доступа: <http://www.globecsi.ru/Articles/2008/Bazarova.pdf> (дата обращения: 05.05.2012).
21. Будаев Б. Возвращение Итигэлова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.buddhism.ru/vozvrashhenie-itigelova/> (дата обращения: 17.03.2013).
22. Гармаев Ф. Б. О великом земляке первом Пандито хамбо ламе Д. Д. Заяеве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://etegelov.ru/conf-1/reports/60-doc-13> (дата обращения: 15.03.2013).
23. Иволгинский дацан и нетленный Хамбо Лама Итигэлов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cherry.gorod.tomsk.ru/index-1345465565.php> (дата обращения: 15.05.2013).
24. Махачкеев А. Пробившийся к ясному свету [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://burunen.ru/articles/detail.php> (дата обращения: 09.02.2015).
25. Немира В. Ученые изучают «вечно живого ламу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.prs.ru (дата обращения: 17.05.2013).
26. Панов Е. Д. Резонанс Итигэлова: отчёт по экспедиции в Бурятию [Электронный ресурс] // *Устойчивое развитие: наука и практика: междунар. электрон. журн*. 2010. Вып. 1 (4). С. 48. Режим доступа: www.yrazvitie.ru/wp...2010/07/3 (дата обращения: 19.02.2015).
27. Рязанов Д. Чудесное явление Пандито Хамбо Ламы Д.-Д. Итигэлова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shalagram.ru/knowledge/itigelov/conclusion.htm> (дата обращения: 19.03.2013).
28. Тельнов Г. Святой лама победил смерть (11 июля. 2012 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/1082479/post227545963/> (дата обращения: 18.03.2013).

Список информантов

1. Гунчен лама, Иволгинский дацан РБ.
2. Жамбал лама, Иволгинский дацан РБ.
3. Жамбалов Г. Ю., Иволгинский дацан РБ.
4. Жаргал лама, Иволгинский дацан РБ.
5. Жаргал лама, с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.
6. Мархаев Б. Д., 1981 г. р., Иволгинский дацан РБ.
7. Мунхэ лама, Иволгинский дацан РБ.

8. Радна лама, с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.
9. Цырендоржиев Ц. Б., Иволгинский дацан РБ.

References

1. Gomboev B. Ts. Kul'tovye mesta Barguzinskoj doliny. Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI, 2006. 287 s.
2. Gombozhapov A. G. Traditsionnye semeino-rodovye obryady aginskikh buryat v kontse XIX–XX v.: istoki i innovatsii. Novosibirsk: Nauka, 2006. 184 s.
3. D'yakonova V. P. Pogrebal'nyi obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskii istoch-nik. L.: Nauka, 1975. 163 s.
4. Zhitetskii I. A. Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov. Etnograficheskie nablyudeniya 1884–1886 gg. M.: Tip. Volchaninova, 1893. 111 s.
5. Kisel' V. A. Poezdka za krasnoi sol'yu. Pogrebal'nye obryady Tuvy. XVIII – nachalo XXI v. SPb.: Nauka, 2009. 142 s.
6. Parshin V. Poezdka v Zabaikal'skii krai. M.: Tip. N. Stepanova, 1844. Ch. 1. 143 s.
7. Pozdneev A. M. Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. 512 s.
8. Buddizm: slov. / L. L. Abaeva [i dr.]. M.: Respublika, 1992. 287 s.
9. Zhukovskaya N. L. «Fenomen Itigelova»: versii religioznye, nauchnye, antinauchnye i drugie // O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let. 1969–2011 / N. L. Zhukovskaya. M.: Orientaliya, 2013. S. 262–276.
10. Kryuchkova E. V. Zagadka suburgana // Buddiiskaya kul'tura i mirovaya tsivilizatsiya: sb. st. Elista: Izd-vo Kalm. gos. un-ta, 2006. S. 29–31.
11. Amogolonova D. D. Vozvrashchenie Khambo-lamy Itigelova v kontekste postsovetsoj de-sekulyarizatsii obshchestvennogo soznaniya // Tartaria Magna. 2012. № 1. S. 128–147.
12. Kornakova A. D. Pokhorony Khantszin' lamy gelyuna // Tr. Troitskosavsko-Kyakhtinskogo ot-deleniya Priamurskogo otdela RGO. 1905. T. 7. Vyp. 1. S. 6–31.
13. Mironova G. A. Agvan Dorzhiev i stupa, vozvedennaya v chest' uchitelya Dalai lamy XIII // Vestn. Buryat. gos. un-ta. 2012. № 7. S. 33–35.
14. Radnaeva M. Interv'yu s Ts.Zh. Banzaraktsaevoi // Dzhidinskaya pravda. 2001. № 56.
15. Bayartueva D. L. Vosstanovlenie buddiiskikh kul'tovykh sooruzhenii v Buryatii // Kul'-turnoe prostranstvo Vostochnoi Sibiri i Mongolii: materialy III Mezhdunar. simp. (Ulan-Ude, 9–10 noya. 2006 g.). Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI, 2006. T. 1. S. 197–198.
16. Montevich V. M. O simvolike lamaistikh suburganov // Tsentral'naya Aziya i Tibet: materialy k konf. Novosibirsk: Nauka, 1972. S. 91–94.
17. Bazarova E. B. Genezis i evolyutsiya stupy v istorii severnogo buddizma: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03. Ulan-Ude, 2009. 241 s.
18. Suvorova A. S. Pogrebal'naya obryadnost' buryat: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.07. Ulan-Ude, 2014. 26 s.
19. Bambaev B. Opisanie pogrebal'nogo obryada i ego proiskhozhdenie // TsVRK IMBT SO RAN. F.11. Op. 1. D. 13. L. 81.
20. Bazarova E. B. Istoricheskie traditsii vozdvizheniya suburganov (buddiiskikh stup) v severnom buddizme [Elektronnyi resurs] // Ros. ekon. internet-zhurn. M.: ATISO, 2009. Re-zhim dostupa: <http://www.globecsi.ru/Articles/2008/Bazarova.pdf> (data obrashcheniya: 05.05.2012).
21. Budaev B. Vozvrashchenie Itigelova [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.buddhism.ru/vozvrashchenie-itigelova/> (data obrashcheniya: 17.03.2013).
22. Garmaev F. B. O velikom zemlyake pervom Pandito khambo lame D. D. Zayaeve [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://etegelov.ru/conf-1/reports/60-doc-13> (data obrashcheniya: 15.03.2013).
23. Ivolginskii datsan i netlennyi Khambo Lama Itigelov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://cherry.gorod.tomsk.ru/index-1345465565.php> (data obrashcheniya: 15.05.2013).
24. Makhachkeev A. Proivshiiysya k yasnomu svetu [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://burunen.ru/articles/detail.php> (data obrashcheniya: 09.02.2015).
25. Nemira V. Uchenye izuchayut «vechno zhivogo lamu» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: www.prs.ru (data obrashcheniya: 17.05.2013).
26. Panov E. D. Rezonans Itigelova: otchet po ekspeditsii v Buryatiyu [Elektronnyi resurs] // Ustoichivoe razvitie: nauka i praktika: mezhdunar. elektron. zhurn. 2010. Vyp. 1 (4). S. 48. Rezhim dostupa: www.yrazvitie.ru/wp...2010/07/3 (data obrashcheniya: 19.02.2015).
27. Ryazanov D. Chudesnoe yavlenie Pandito Khambo Lamy D.-D. Itigelova [Elektronnyi re-surs]. Rezhim dostupa: <http://www.shalagram.ru/knowledge/itigelov/conclusion.htm> (data obrashcheniya: 19.03.2013).
28. Tel'nov G. Svyatoi lama pobedil smert' (11 iyulya. 2012 g.) [Elektronnyi resurs]. Re-zhim dostupa: <http://www.liveinternet.ru/users/1082479/post227545963/> (data obrashcheniya: 18.03.2013).

Spisok informantov

1. Gunchen lama, Ivolginskii datsan RB.
2. Zhambal lama, Ivolginskii datsan RB.
3. Zhambalov G. Yu., Ivolginskii datsan RB.
4. Zhargal lama, Ivolginskii datsan RB.
5. Zhargal lama, s. Kizhinga, Kizhinginskii r-n RB.
6. Markhaev B. D., 1981 g. r., Ivolginskii datsan RB.
7. Munkhe lama, Ivolginskii datsan RB.
8. Radna lama, s. Kizhinga, Kizhinginskii r-n RB.
9. Tsyrendorzhiev Ts. B., Ivolginskii datsan RB.

Статья поступила в редакцию 17.02.2015